

В старинном особняке в Неопалимовском переулке, где находится редакция журнала «Наше наследие», открылась выставка «Пушкиниана Олега Комова».

Анатолий ЮСИН

В небольшом зале собраны скульптуры и рисунки народного художника России, академика Академии художеств, лауреата Государственной премии СССР. Скульптор, к сожалению, не доживший до этого дня, предстал на вернисаже в окружении образов, созданных им, — Пушкина, Пушкина, Гончаровой, Арины Родионовны...

Выставка организована усилиями вдовы художника — архитектора, лауреата Государственной премии Нины Комовой.

Вернувшись с вернисажа, я открыл старые блокноты, в которых хранятся записи многих моих бесед с Олегом Константиновичем.

— Для меня Пушкин вечная загадка, — сказал как-то он. — Вам расскажу первому: в детстве я боялся Пушкина. Удивительно?... А вы представьте себе домик в Марьиной роще, окнами выходящий на Лазаревское кладбище. Там жила моя бабушка, а в комнате у нее с левой стороны окна висела икона Николая Угодника, с другой стоял Пушкин — макет знаменитого памятника Опекушину. Макет был в 1/5 натуральной величины. А в деревянном пьедестале бабушка сделала полки и использовала его вместо шкафа. Мне — пять лет. Страна празднует 100-летие памяти поэта. И вот бабушка читает «Сказку о мертвой Царевне», а я наяву вижу в окне лошадей, погребальные катаfalки, слышу духовой оркестр — и мне жутко... А высоко — под самым потолком — Пушкин. Кто он — поэт? Но почему такой мрачный? А здесь еще и лампада, которую бабушка и в том углу зажигала... Каждый день — с каким-то странным, не похожим на простых людей Пушкиным. Реакция ребенка была естественной: я стал бояться скульптуры и всего, что связано с поэтом... А в школе — надо же такому случиться — меня с первых же дней заставили учить наизусть: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвца...». Сейчас это вспоминается, как дикость, но что было, то было. Позднее мои родственники, предки которых участвовали в 1880 году в сооружении опекушинского памятника, передали макет в Государственный музей А. С. Пушкина.

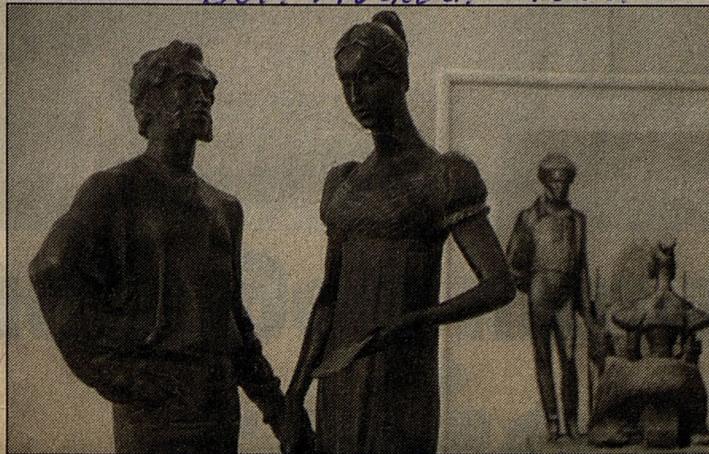
— А когда же к вам пришел «ваш» Пушкин?

— Я уже учился в институте и поехал на летнюю практику в Ленинград. Зашел как-то вечером к родственникам, а у них гостила известная пушкинистка Цявловская. Когда мы пили чай, она двумя-тремя вопросами все вызнала о моем отношении к Пушкину и ужаснулась: «Как же вы, человек, родившийся не только в доме, но и в комнате, где появился на свет Достоевский, как вы можете так далеко быть от Пушкина? Завтра же везу вас в Пушкинский дом, покажу рукописи Александра Сергеевича и... вы им заблестите».

Наутро мы были в святых местах, где

Не накинуть ли китель на плечи А. С.?

Веч. Москва. — 1999. — 2 июня. — с. 5

Екатерина ЦВЕТКОВА

только неповторимой Татьяне Григорьевне могли дать пушкинские тетради. А она — мне... Начинаящий художник, я увидел то, что для других людей сокрыто: отпечатки пальцев поэта. Я представил, как падала капля чернил, как Пушкин размазывал кляксу, пробовал перо, точь-в-точь, как сегодня мы расписываем шарик авторучки... Его рисунки — легкие, точные... Росчерки пера... Мелкие цифирьки, означающие карточные долги... А вот пятно от свечного воска — представляю, как он писал ночью при свече... Засушенный полевой цветок, где-то на полях между Михайловским и Тригорским сорванный...

До закрытия я сидел над рукописями, а потом пошел к нему, к Пушкину, на Мойку. Ходил под окнами его последней квартиры. Вот уже и мосты развели, белая ночь давно повисла над Невой, а я все был у него — у Пушкина, на безмолвной безлюдной улице, над ленивой мутноватой Мойкой...

Действительно, как предсказали мне, я заболел Пушкиным. Теперь никто не заставлял меня учить наизусть стихи, но не помнiti их я считал варварством. Почему же я только через двенадцать лет после той ночи впервые отважился «работать» Пушкина? Я анализировал все, что писалось о Пушкине, изучал иконографические работы — прижизненные портреты Тропинина и Кипренского. Оба гениальных портрета хороши по-своему, в чем-то они схожи. Кипренский, правда, больше романтизировал поэта... Но мне не хватало рассказов и документов о Пушкине. Меня, художника, волновало: какой формы были у Пушкина уши, затылок? Ни у кого из современников я об этом прочитать не мог. Даже посмертная маска, вот посмотрите (Комов снимает со стены маску Пушкина), она сделана только до ушей. Как и Суворова — видите (снимается маска полководца), лишь у Петра Первого мы видим всю голову.

Двенадцать лет шло накопление материала, и лишь в 33 года скульптор решился делать композицию, посвященную Пушкину.

— И с чего же началась ваша Пушкиниана?

— В 1965 году, путешествуя по Псковщине, я не мог получить ночлега в Пушкинских горах. Кое-как достал брезентовую палатку на турбазе и разбил ее на берегу озера между Михай-

ловским и Петровским. На мое счастье, была холодная осенняя ночь. Мороз разбудил где-то часа в три, и я вышел в темень... Скрипели старые липы, северная ночь была влажной и гудкой. Я ушел бродить по пушкинским тропам. Думалось и верилось: сейчас я встречу Его... Именно в ту ночь я зримо представил себе своего Пушкина и его верного друга Пушкина. Захотелось сделать композицию. Композиция «Пушкин и Пушкин» — это история дружбы двух замечательных людей, которые, каждый по-своему, остались в истории России...

Четверть века следил я за творчеством Олега Комова и знал по рассказам очевидцев, что ни одно его произведение не утверждалось в жизни легко, хотя всеми специалистами варианты принимались безоговорочно. Например, в 1972 году Комов делал памятник Пушкину для молдавского села Долна под Кишиневом, где некогда останавливался 22-летний поэт.

Комов представил Пушкина опирающимся на колонну, отдавая тем самым дань классическому искусству. В то же время колонна как бы дает повод для сравнения с эпохой античности. И как-то незаметно мы, глядя на Пушкина, мысленно ставим его в ряд всемирных поэтов — Гомера, Овидия, Данте, Шекспира... — Раздумывая над образом жены Пушкина, я старался посмотреть на Наталью Николаевну глазами Александра Сергеевича. Чуть ли не наизусть выучил его письмо к жене. Закрываю глаза и вижу их венчание в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот... Слышу, как кольцо Пушкина падает на каменный пол во время обряда при обмене колец. Вижу, как случайный порыв ветра гасит свечу, которую держал Пушкин... Тревожные приметы, дурные предзнаменования...

Отправными в работе над композицией стали пушкинские письма к жене. Мне, художнику, хотелось на своем языке сделать «Пушкина и Гончарову», — говорил Комов. — Пушкин мне всегда виделся одиноким. В семье он был не очень любим. Никогда не имел собственного дома... И вот появляется в судьбе его «Мадона» (в пушкинском написании почему-то с одним «н»), «чистойшей прелести чистойший образец», Натали... Знаю, понимаю, нутром чувствую: Пушкин любил жену, и она его, видимо, любила, но... ведь она стала поводом к гибели — как за-

быть это? Хорошим она считалась человеком, но соизмерима ли была с гением? А как не вспомнить пушкинское письмо к жене 1833 года: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою я люблю еще более твоего лица?»

Придя в обновленную Третьяковскую галерею, остановитесь у комовской композиции, задумайтесь, не торопитесь осуждать... Пушкин стоит лицом к зрителю, опершись на туалетный столик. Лицо его, и к нам обращенное, словно в тумане. Скульптор даже не раскрыл глаза поэта... А Натали сидит к нам спиной. Она при деле — смотрит в зеркало. Ее мир — туалетный столик, зеркало. А Пушкин? Он стоит сбоку — где-то между столиком и женой. Одинокий. Весь в себе...

— Во всех ваших пушкинских работах герой обязательно или сидит, или на что-то облокачивается. Эти позы помогают передавать эмоциональное состояние образа?

— Задумывая композицию, я четко представляю себе все происходящее с героем, моделирую ситуацию. Как, например, любой художник, тщательно изучаю материал, документы. Возьмем, к примеру, Пушкина в Болдино. Когда мне предложили его «работать», я был очень рад, горд и... растерян. Каким сделать памятник поэту в селе, где он жил так уединенно, почти ни с кем из людей не общаясь? Он был замкнут — поэтому-то Болдино во все его приезды было так плодотворно, он не отвлекался, а сосредоточивался на творчестве. Как передать все это языком скульптуры? Приехал в Болдино первый раз — осмотрелся. Боже мой, рядом с подлинным домом поэта, единственным сохранившимся, — остановка автобуса, общественный туалет... Нужно было бороться за благоустройство парка, потому что Пушкина мне хотелось сделать камерных размеров и уж, конечно, в его усадьбе, а не перед зданием райисполкома, как требовало местное руководство.

Привез в Болдино. Собралось начальство:

— А где же памятник?

— Вот, — говорю и показываю на сидящего Пушкина.

— А мы думали, что это будет стоящая фигура, вроде вождя-деятеля, но с головой Пушкина. И фигура должна просматриваться с Арзамасского шоссе, — ответили мне.

Я, как умел, объяснил суть своего замысла.

— Логично, — согласились, а затем снова засомневались: — А почему он осенью в рубашке? У нас много туристов, приезжают зимой — а Пушкин сидит в рубашке... Нельзя ли на него китель накинуть?

— Вы хотели сказать — «сюртук»?

— Вот именно — «сюртук».

— Нельзя накинуть, — ответил я. — Вы были в Ленинграде, видели «Медного всадника»? Там Петр Первый сидит на коне почти босиком... И знаете, когда мороз бывает 25 градусов, то решением горисполкома Петру надевают валенки. Вот и вы примите подобное постановление...

Иронию поняли. Не обиделись. Памятник утвердили...

2.6.99.

Комов Олег